

Механизмы, целевые категории и масштабы «харбинской» операции НКВД СССР 1937–1938 гг. в Украине

Досліджено особливості «харбінської» операції в Українській РСР, що проводилася на підставі наказу НКВС СРСР № 00593 від 20 вересня 1937 г. На основі протоколів позасудових інстанцій, архівно-кримінальних справ, а також відомчих документів НКВД УРСР, що зберігаються в архівах України, проаналізовано масштаби, механізм і особливості «харбінської» репресивної операції. Каральна акція спрямовувалася не лише на колишніх службовців Китайсько-Східної залізниці, яких в радянському суспільстві називали «харбінцями», або «КВЖДінцями», але і на осіб китайської, корейської національностей, «колишніх» і «класово чужих» осіб.

Ключові слова: Великий терор, «національні» операції, «харбінська» операція, Українська РСР, «харбінці».

Центральное место в Большом терроре занимали массовые операции – «кулацкая», нацеленная на борьбу с «бывшими», и серия «национальных», направленных на ликвидацию «иногражданского» и «инонационального» элемента. По данным НКВД СССР, с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. было репрессировано около 1,4 млн чел., в том числе около 357 тыс. чел. – по национальному признаку, включая около 46 тыс. чел. – по «харбинской» операции¹. По количеству осуждённых данная линия занимает третье место после «польской» и «немецкой». Масштаб репрессий в отношении так называемых харбинцев диктует необходимость уточнения групп и категорий населения, попавших в эту карательную акцию.

Тема Большого террора, базовая для западной советологии, с началом 1990-х гг. стала ведущим направлением, как для оте-

* *Потапова Наталья Анатоліївна* – аспірантка кафедри Вітчизняної історії гуманітарного інституту Новосибірського державного університету (Російська Федерація, Новосибірськ).

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2000–2005. – Т. 5: 1937–1939. – Кн. 2. – С. 163.

чественной историографии, так и для историографии постсоветских стран. Благодаря «архивной революции», исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным документам, в том числе ведомственному, внесудебному, учётному делопроизводству НКВД СССР, что значительно расширило источниковую базу исследований и способствовало более глубокому изучению карательной политики и механизмов репрессий. В рамках Большого террора исследователи выделили три ключевых направления карательной политики: «кулацкая» операция, серия «национальных» операций и репрессии против советской элиты.

В начале 1990-х гг. исследователям А. Б. Рогинскому, Н. Г. Охотину, О. А. Горланову удалось получить доступ к материалам ведомственной статистики НКВД СССР, хранящимся в ЦА ФСБ России. На основании этих данных историки вели работу по созданию сборника документов по статистическим аспектам массовых операций 1937–1938 гг., которую не удалось завершить.

Российские историки Н. В. Петров, В. Н. Хаустов и О. В. Хлевнюк² причиной политических чисток 1937–1938 гг. назвали попытку предотвратить появления «пятой колонны», утверждая, что лично Сталин инициировали и контролировали террор.

Усилиями международного исследовательского коллектива под руководством немецких историков М. Юнге и Р. Биннера удалось всесторонне на основе ведомственного делопроизводства НКВД СССР разного уровня, материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг., а также архивно-уголовных дел, изучить «кулацкую» операцию. Итогом проекта стала серия документальных и монографических изданий, вышедших в России, Украине, Грузии и Германии³. Историками был предложен ал-

---

² *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» Николай Ежов. – М., 2009. – 447 с.; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009. – 432 с. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. – 479 с.

³ *Юнге М., Биннер Р.* Как Террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. – М., 2003. – 352 с. *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. – 784 с. «Через трупы врага на благо

горитм дослідження самої масової карательної акції «по вертикалі і горизонталі» через вивчення репресій в відношенні окремих целевих груп і в регіональному аспекті, а також було зроблено висновок про обоюдну відповідальність за терор влади і суспільства.

В Україні проблему Великого терору розглядають в контексті політичних репресій 1920–1950-х рр. З кінця 1980-х рр., завдяки широкому доступу до архівних матеріалів (відкрито більше 99% архівних фондів України), дана тема стала предметом серйозних наукових досліджень. Різні аспекти сталінських репресій освітлені в працях українських істориків Ю. І. Шаповала⁴, В. М. Даниленко⁵, Г. В. Касьянова⁶, І. Г. Біласа⁷, С. І. Білоконя⁸ і багатьох інших. Цінні статистичні дані про репресії в УСРС містяться в праці В. М. Нікольського⁹. Репресії проти окремих категорій «інонаціоналів» і «іногородян» в УСРС розкриті в

народа». «Кулацька операція» в Українській СРР 1937–1941 рр.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, А. О. Довбня, Б. Бонвеч, І. Е. Смирнова, Г. А. Бордюгов; под. общ. ред. О. А. Довбни, Л. С. Макаровой. – М., 2010.; Большевицкий порядок в Грузии. в 2-х т./ сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. – М., 2015.

⁴ Шаповал Ю. Людина і система. Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні. – К.: Ін-т національних відносин і політології НАН України, 1994. – 270 с.; Шаповал Ю.І. «Справа Спілки визволення України». – К.: Інтел, 1995. – 448 с.; Україна ХХ століття: особи та події в контексті важливої історії / Юрій Шаповал. – К.: Наукова думка, 2001. – 560 с.

⁵ Даниленко В.М. Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки / Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. – К.: Наукова думка, 1991. – 344 с.

⁶ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920–1930 років. Соціальний портрет та історична доля. – К.: Глобус, 1992. – 176 с.

⁷ Білас І.Г. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 1. – К.: Либідь: Військо України, 1994. – 432 с.; Кн. 2. – 686 с.

⁸ Білоконя С.І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.) Джерелознавче дослідження. – К., 1999.– 447 с.

⁹ Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СССР в Україні (кінець 1920–1950-ті рр.): Історико-статистичне дослідження. – Донецьк: ДонДУ, 2003. – 616 с.

работах В. В. Ченцова¹⁰. Массовым репрессиям в УССР посвящена книга «Жертвы репрессий»¹¹, в которой обозначены политические, правовые, организационные предпосылки сталинской «чистки». Большим вкладом в изучение исследуемой проблемы стала книга «Репресоване краєзнавство»¹², которую подготовили учёные Института истории Украины Национальной академии наук Украины, преподаватели вузов, работники архивов и музеев. В издании опубликованы работы об известных деятелях науки и культуры, которые стали жертвами репрессий. С 1993 г. выходит многотомное издание «Реабилитированные историей». На сегодняшний день опубликованы больше сотни томов, посвящённых репрессиям 1920–1980-х гг. В 1994 г. вышел первый номер научно-документального журнала «З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ».

Помимо названных работ, республиканским «Мемориалом» издаётся журнал «Зона», где публикуются очерки о репрессированных, воспоминания узников ГУЛАГа и т. д. Благодаря открытости архивных документов, хранящихся в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины, украинские исследователи до настоящего времени активно изучают тему сталинских «чисток». Однако весь массив документов, хранящихся в ОГА СБУ, всецело не обработан историками, поэтому некоторые аспекты репрессий, в том числе «харбинская» операция, проводимая органами НКВД УССР в 1937–1938 гг., не нашли детального отражения в украинской историографии.

В отличие от Украины, в России и в некоторых других постсоветских странах в начале 2000-х гг. изучение темы политических репрессий оказалось затруднено введением ограничений на доступ к персональным данным, в том числе об осуждённых в 1937–1938 гг. Только по истечению 75-летнего срока

---

¹⁰ Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – Тернопіль: Збруч, 2000. – 481 с.; *Его же*: Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930 годы. – М.: Готика, 1998. – 208 с.

¹¹ Жертвы репрессий. – К.: Юринформ, 1993. – 296 с.

¹² Репресоване краєзнавство (20–30-ті рр). – К.: Рідний край, 1991. – 506 с.

давности для дел, содержащих тайну личной жизни, историки вновь получили возможность работать с решениями внесудебных инстанций и прекращёнными архивно-уголовными делами периода Большого террора. Однако осложняет работу то обстоятельство, что до сих пор эти материалы в основном хранятся в ведомственных архивах ФСБ (бывших архивах КГБ).

Ряд исследователей «национальные» операции 1937–1938 гг. называют этническими чистками¹³. Однако, М. Юнге полагает, что даже в репрессиях по «национальным» линиям поводами для арестов и осуждений были социальные, а не национальные мотивы¹⁴. Вслед за ним российский исследователь А. И. Савин, приводя аргументы «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма на примере «немецкой» операции НКВД СССР, приходит к заключению, что решающим критерием для репрессий по национальному признаку являлось «враждебное» социальное прошлое¹⁵.

К настоящему времени специалисты выделяют тринадцать «национальных» операций, проведённых в общесоюзном масштабе. При этом только в отношении семи этнических групп (немцы, поляки, «харбинцы», латыши, греки, иранцы и иранские армяне, афганцы) Политбюро ВКП(б) были приняты специальные решения, за которыми последовали оперативные приказы НКВД СССР. Из тринадцати «национальных» линий в поле зрения специалистов оказались четыре: польская (Н. В. Петров, А. Б. Рогинский)¹⁶, немецкая (Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский)¹⁷,

¹³ *Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // Slavic Review. 2002. – Vol. 61. – No. 1. – P. 30–43. Lemon A. Without a «Concept»? Race as Discursive Practice // Slavic Review. 2002. – Vol. 61. – No. 1. Spring. – P. 54–61.*

¹⁴ *Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «большим». – 352 с.*

¹⁵ *Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. – 2012. – № 3. – С. 40–61.*

¹⁶ *Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. – С. 22–43.*

¹⁷ *Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. Режим доступа: URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, свободный, дата обращения: 02.10.2016.*

«харбинская» (Н. Н. Аблажей)¹⁸ и греческая (И. Г. Джуха)¹⁹. Алгоритм изучения массовых акций против «националов» был предложен Н. В. Петровым и А. Б. Рогинским, которые предположили, что приказ № 00485 стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на принципиально новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный». Эти признаки и отличают «национальные» операции от «кулацкой».

Специалисты относят «харбинскую» операцию к числу «линейных»²⁰, хотя и отмечают, что этнический аспект в ней выражен не так явно, как в других, потому что жертвами репрессий по этой карательной акции стали не столько «националы», а скорее титульные группы, и в первую очередь русские. Зависимость между «харбинской» операцией и «японским шпионажем» признается как «очевидная». Более того, В. Н. Хаустов считает правомерным выделение не «харбинской», а «японской» линии. Заметим, что, помимо «японской», органы НКВД выделяли «китайско-корейскую» линию²¹. Постепенно исследователи расширили круг целевых групп «харбинской» операции, указав, что вместе с бывшими служащими КВЖД в «чистку» попали реэмигранты и перебежчики (Н. Н. Аблажей)²², а также корейцы и китайцы (В. Н. Хаустов)²³. Выделение «японской» линии может быть правомерным, но репрессии в отношении

¹⁸ Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 80–85; *Его же*. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007. – 298 с.

¹⁹ Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. – СПб., 2006. – 416 с.

²⁰ В статистической отчётности органов НКВД «харбинская» операция проходит именно как «национальная».

²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. – Т. 5: 1937–1939. – Кн. 2. – С. 157.

²² Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг... – С. 85.

²³ Хаустов В.Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 106–118.

лиц, обвинённых в «шпионаже» в пользу Японии, проводились в рамках «харбинского» приказа № 00593, что подтверждают материалы внесудебных инстанций и архивно-уголовных дел. Проведённый анализ этих документов для Западной Сибири убедительно доказывает, что как «японские шпионы» были осуждены бывшие служащие КВЖД, реэмигранты, перебежчики, представители китайской, корейской, монгольской, турецкой диаспор, а также так называемые «дальневосточники» – «неблагонадёжные элементы», высланные с Дальнего Востока²⁴.

Теме массовых репрессий 1937–1938 гг. в отношении «харбинцев» посвящено уже несколько статей²⁵. Сводные статистические материалы НКВД о результатах выполнения «национальных» операций по СССР, УССР и ГССР, в том числе «харбинской», опубликованы²⁶. Однако до сих пор при изучении этой линии исследователи крайне мало использовали такие массовые источники как материалы внесудебных инстанций. Подробное их изучение позволяет не только уточнить масштаб террора, но и выявить группы населения, попавшие в эту репрессию.

Чистки 1937–1938 гг. затронули все советские республики, но наиболее массово они прошли в РСФСР (830 тыс. чел.) и УССР (253 тыс. чел.)²⁷. По «национальным» операциям в Украинской ССР было осуждено около 94 тысяч. Основные репрессии прошли по «польской» (54 тыс.), «немецкой» (23 тыс.), «румынской» (6 тыс.), «греческой» (5,5 тыс.), «латышской» (2 тыс.) и «болгар-

---

²⁴ *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского гос. ун-та. История. – № 47. – 2017. – С. 75–80.

²⁵ *Кропачев С.А.* «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: URL: <http://kubanmemo.ru/library/Kropachev01/poland.php>, дата обращения: 22.07.2017 г.; *Кузнецов Д.В.* «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 3. – С. 136–146.

²⁶ «Через трупы врага на благо народа». – Т. 2: 1938–1941 гг. – С. 133–153; *Большевистский порядок в Грузии.* – Т. 2. – С. 155–157.

²⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. – Т. 5: 1937–1939. – Кн. 2. – С. 163.

ской» (1,4 тыс.) линиям²⁸. По данным НКВД УССР, в республике к середине лета 1938 г. было осуждено 906 «харбинцев»²⁹. Подтверждает эту цифру и текущая статистика НКВД УССР, согласно которой по «харбинскому» приказу в республике репрессировали 890 чел.³⁰ Приведённые данные мы не можем подтвердить материалами внесудебных инстанций, так как не располагаем всеми протоколами. Однако, согласно отчёту НКВД УССР, к середине января 1938 г. в республике было осуждено 293 чел., что подтверждается протоколами Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойкой)³¹. Из сводных отчётов, подготовленных областными НКВД УССР к середине января 1938 г., следует, что основные аресты по приказу № 00593 проходили в Харьковской (130 чел.), Одесской (116 чел.), Днепропетровской (108 чел.), Киевской (72 чел.) и Донецкой (44 чел.) областях³².

Доступность ведомственного делопроизводства НКВД УССР и архивно-уголовных дел, хранящихся в ведомственных и государственных архивах Украины, позволяет не только восстановить ход репрессий по «харбинской» линии в Украинской ССР, но и сделать некоторые заключения о проведении этой общесоюзной репрессивной операции. Особо ценно то, что сам «харбинский» приказ и сопроводительная записка к нему³³, не

²⁸ *Нікольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. – Донецьк, 2003. – С. 153.

²⁹ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2: 1938–1941 г. – С. 149.

³⁰ *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007 (рукопись, текущий архив «Мемориала» статистические таблицы). Материалы предоставлены Н. Н. Аблажей.

³¹ Протокол № 25 от 20.10.1937 г. – 50 чел.; № 55 от 02.11.1937 г. – 50 чел.; № 87 от 17.11.1937 г. – 50 чел.; № 126 от 26.11.1937 г. – 30 чел.; № 153 от 11.12.1937 г. – 38 чел.; № 205 от 16.12.1937 г. – 22 чел.; № 199 от 26.12.1937 г. – 25 чел.; № 276 от 08.01.1938 г. – 28 чел. Всего по 8 протоколам проходят 293 чел. См.: Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі – ГДА СБ України), ф. 5, спр. 467–475.

³² Там само, ф. 42, спр. 33, арк. 27–82.

³³ Там само, ф. 9, спр. 81, арк. 85–119.

введённая в научный оборот в России, сохранились в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины.

Идеологическое обоснование «национальным» операциям дал февральско-мартовский 1937 г. пленум ЦК ВКП(б). В докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» И. В. Сталин призвал «выявлять и уничтожать» «вредителей», «диверсантов» и «агентов» из числа «бывших» и «чуждых». В марте 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов дал указания перестроить работу НКВД СССР, чтобы «быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя», указав на «возможность военного нападения фашистских государств» и «лихорадочной деятельностью разведок». Одновременно начальник КРО ГУГБ Л. Г. Миронов разработал проект приказа о задачах контрразведывательных отделов, в котором констатировалось, что в СССР огромное количество резидентур и диверсионных организаций, якобы созданных разведорганами Германии, Японии и Польши³⁴. Таким образом, с весны 1937 г. органы НКВД проводили предоперационную подготовку по учёту всех иностранцев, лиц без гражданства и прибывших из-за границы. Чекисты принимали во внимание бывших военнопленных, реэмигрантов, перебежчиков, подданных других государств и бывших иностранных подданных³⁵. На основании этих данных сотрудники НКВД уже в начале лета составляли справки на лиц, попадавших, в первую очередь, под маховик репрессий с уточнением «опасного» признака (бывший дворянин, священнослужитель, «харбинец», служил в царской армии, белогвардеец, поляк, немец, латыш, китаец и т. д.). 16 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов на совещании НКВД проинформировал о предстоящих массовых арестах поляков, немцев и «харбинцев»³⁶.

³⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М., 2004. – С. 637.

³⁵ Там же. – С. 633.

³⁶ *Тепляков А.Г.* Машина террора. – М., 2008. – С. 366.

На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1937 г. Н. И. Ежов выступил с проектом закрытого письма № 60268, в котором сообщалось о направлениях и масштабах «деятельности японской разведки» на территории страны. Сами же вытекавшие из этого меры излагались в проекте приказа № 00593, также представленного Н. И. Ежовым членам политбюро ЦК ВКП(б). Таким образом, закрытое письмо являлось обоснованием для начала массовой карательной акции против так называемых «харбинцев», а приказ – инструментом её проведения. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проекты закрытого письма НКВД № 60268 и оперативного приказа о мероприятиях «в связи с террористической диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа, так называемых «харбинцев», тем самым дав старт репрессивной операции³⁷.

На следующий день оперативный приказ НКВД СССР № 00593 был разослан в республиканские, областные и краевые УНКВД СССР. В нем были названы категории «харбинцев», подлежащие аресту:

- 1) изблiчённые и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;
- 2) реэмигранты и белогвардейцы;
- 3) бывшие члены антисоветских политических партий, участники троцкистских и правых формирований;
- 4) участники фашистских организаций;
- 5) служившие в китайской полиции и войсках;
- 6) работающие в иностранных фирмах, прежде всего японских;
- 7) окончившие в Харбине курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»;
- 8) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.);
- 9) нелегально въехавшие в СССР, а также принимавшие китайское подданство;

---

³⁷ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm>, дата обращения: 03.07.2017 г.

³⁸ Лубянка... – С. 366–368.

- 10) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием;
- 11) участники контрреволюционных сектантских группировок³⁸.

В закрытом письме была описана «террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской разведки», якобы осуществлявшаяся бывшими служащими КВЖД и реэмигрантами из Китая на территории СССР; приводились «приёмы вербовки», «каналы переброски» и примеры конкретной «подрывной» деятельности.

Необходимость одновременного издания приказа и закрытого письма была продиктована особенностями предстоящей операции. Изданный 30 июля 1937 г. приказ № 00447 вышел без сопроводительного письма, так как ему предшествовала подготовка по учёту подлежащих аресту контингентов, тем самым целевые группы «кулацкой» операции были не новы для сотрудников НКВД. Категории, подлежавшие репрессиям по первым «линейным» карательным акциям, оказались не очевидны для чекистов, так как «чистки» по национальному признаку такого масштаба осуществлялись в СССР впервые. Поэтому центральному аппарату НКВД необходимо было обосновать для региональных органов необходимость массовых арестов «инонационалов» и «инограждан», с технологией обозначения целевых категорий данных специфических карательных акций.

Карательную операцию против «харбинцев» планировалось провести за три месяца, однако этот срок неоднократно увеличивался. В ноябре 1938 г. было издано совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое завершило все массовые операции³⁹. Приказ № 00593 обязывал руководителей УНКВД каждые пять дней отправлять отчёт в НКВД СССР о проведении операции. На основе этих телеграмм в 8-м отделе ГУГБ НКВД СССР готовились сводные доклады. В дополнение к статистическим показателям, Москва требовала от руководителей местных УНКВД предоставлять сведения о «политических настроениях населения», об отношении населения к операции. Также

---

³⁹ Лубянка... – С. 468, 538, 549.

Н. И. Ежов требовал направлять ему информацию о количестве выявленных «контрреволюционных групп» и о количестве изъятого у них оружия.

Аресты проводились на основании справок, постановлений и ордеров на арест, подписанных, как правило, начальниками отделений и отделов Управлений государственной безопасности (УГБ) УНКВД, а также прокурором. На следствие отводилось не более месяца. После чего составлялось обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения и определялась инстанция (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор. Таким образом, региональные органы НКВД не только выбирали карательный орган, но и распределяли задержанный контингент между массовыми операциями. Это давало местным чекистам широкие полномочия в увеличении количества репрессированных, так как «кулацкая» и «национальные» акции, а также «чистки» советской элиты шли параллельно друг другу.

Так, например, дела на бывших служащих КВЖД, реэмигрантов из Китая и перебежчиков китайско-советской границы (непосредственные целевые категории приказа № 00593) в период с августа 1937 по сентябрь 1938 гг. сотрудники местных карательных органов направляли не только на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка), но и в компетенцию «кулацкой» тройки, Военной коллегии Верховного Суда СССР, военных трибуналов, линейных и областных судов. При этом Москва не давала чётких инструкций по распределению контингента между судебными и внесудебными инстанциями.

По мнению М. Юнге, на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР передавали дела представителей средних и высших партийно-советских, а также «бывших», членов «старых» элит (прежде всего деятелей культуры)⁴⁰. Однако представители «высшего класса» могли быть поляками, немцами, латышами, бывшими служащими КВЖД или реэмигрантами из Китая, т. е. целевыми категориями «национальных» операций. Дело на бывшего сотрудника НКВД УССР, жившего до

---

⁴⁰ Большевистский порядок в Грузии. – Т. 1. – С. 32.

1920 г. в Китае, провели не по «харбинской» линии, а передали на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, хотя приказ № 00593 предписывал аресты «харбинцев», работающих в НКВД⁴¹. В Красноярском крае раскулаченных казаков, высланных в 1930-е гг. из Читинской области, массово провели не по приказу № 00447, а по № 00593, причислив эту целевую категорию к агентам японской разведки⁴².

Несомненно, центральный аппарат НКВД контролировал региональные органы в вопросе распределения репрессированных контингентов по массовым операциям и, соответственно, по карательным инстанциям, так как списки арестованных, подлежащие рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и Комиссией НКВД и Прокурора СССР, направлялись на утверждение в Москву. Как правило, двойка утверждала предложенную региональными карательными органами меру наказания, однако в некоторых случаях Комиссия НКВД и Прокурора СССР предписывала передать дело на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, Военного трибунала или суда⁴³. Похожая ситуация сложилась и со списками, поступающими на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР. В исключительных моментах дела передавались на рассмотрение в «альбомном» порядке, т. е. в компетенцию двойки⁴⁴.

Фактически, в годы Большого террора грани между судебными и внесудебными инстанциями не существовало, основная их задача сводилась к конвейерному, или «списочному» рассмотрению дел. Судебная процедура была упрощена до предела: слушание дела проходило без свидетелей и продолжалось в среднем 5–10 минут. За это время трое судей должны были

---

⁴¹ ГДА СБ України, ф. 8, спр. 45607.

⁴² УФСБ по Красноярскому краю, ф. 9, д. 603.

⁴³ В протоколе № 276 от 08.01.1938 г. указано, что одно дело необходимо передать на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, а одно дело – в суд. В протоколе № 331 от 25.01.1938 г. одно дело Комиссия НКВД и Прокурора СССР предписала передать в Военную коллегию Верховного Суда СССР.

⁴⁴ Архив МВД Грузии, ф. 12, д. 88, л. 86.

успеть «разъяснить подсудимому его права, огласить обвинительное заключение, разъяснить сущность обвинения, выяснить отношение обвиняемого к «совершённым преступлениям», выслушать его показания и последнее слово, побывать в совещательной комнате, написать там приговор и, вернувшись в зал судебного заседания, объявить его»⁴⁵. Смертные приговоры подсудимым не объявлялись — они узнавали о своей судьбе непосредственно перед казнью⁴⁶. Таким образом, можно утверждать о взаимозаменяемости судебных и внесудебных инстанций в годы Большого террора. Роль прокуратуры в реализации массовых операций в 1937–1938 гг. была сведена к минимуму. Функции прокуратуры ограничивались визированием постановлений на массовые аресты. Полномочия НКВД в 1937–1938 гг. были неограниченными.

Дела на «харбинцев» сотрудники НКВД заводили ещё летом 1937 г., т. е. до принятия приказа № 00593. Поэтому уже через две недели после начала операции киевское УНКВД представило в Москву первые списки арестованных, обвиняемых в «японском шпионаже». В первый месяц проведения «харбинской» операции сотрудники НКВД при вынесении следственного решения руководствовались приказом № 00485, но включали дела по «японскому шпионажу» в отдельный список. К ноябрю 1937 г. в обвинительных заключениях на «японских шпионов» перестали ссылаться на приказ № 00485.

Помимо следователя, обвинительное заключение подписывали начальники отделений и отделов. После этого предлагаемую меру наказания утверждал начальник областного УНКВД. На основании следственных материалов, полученных из облуправлений НКВД, в центральном аппарате НКВД УССР составлялись краткие справки на каждого арестованного, где указывалась предлагаемая мера наказания (расстрел или исправительно-трудовой лагерь). Помимо справок, чекисты формировали

⁴⁵ Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Суд над судьями (особая папка Ульриха). – Казань, 1993. – С. 68.

⁴⁶ Рогинский А.Б. Послесловие // Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка»–Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. – М., 2000. – С. 494–496.

перечень арестованных с отнесением их к первой или второй категории наказания. Справки и списки подписывали начальник НКВД УССР и прокурор УССР (своеобразная республиканская двойка). После этого справки комплектовались в «альбом». «Альбомы» и списки арестованных отправлялись в Москву в 8-й отдел ГУГБ НКВД СССР.

Из показаний наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова от 7 сентября 1939 г. следует, что поступающие с мест материалы разбирала комиссия по предварительному рассмотрению дел, оконченных следствием. Она заседала у заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского и предварительно, на основании списков на арестованных, принимала или отклоняла предложенную региональными органами НКВД меру наказания⁴⁷. Вероятно, в такого рода комиссию входили начальники отделов и помощники начальников отделов, которые за день обрабатывали до 200–300 «альбомных» справок⁴⁸. На приговорённых к высшей мере наказания составлялись выписки с указанием избранной меры наказания. В случае отнесения арестованного ко второй категории, альбомы расшивались, справки на приговорённых к лагерному заключению изымались и передавались на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, которое протоколировало своё решение. Как правило, ОСО выносило решение о десяти годах лагерного заключения, но, в редких случаях, мера наказания могла быть избрана в виде восьми, пяти или трёх лет ИТЛ. На основе подготовленных выписок формировались протоколы с указанием утверждённого приговора, которые поступали на рассмотрение всесоюзной Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка), которая состояла из наркома внутренних дел Н. И. Ежова и прокурора А. Я. Вышинского. Такой порядок осуждения назывался «альбомным».

В протоколах обязательно указывался номер оперативного приказа, в рамках которого осуждались арестованные. К копии протокола прилагалась краткая справка-инструкция, подписанная начальником 8-го отдела ГУГБ НКВД. Она рекомендова-

⁴⁷ ЦА ФСБ РФ, ф. № Р-41507 (Рогинского), л. 146.

⁴⁸ Там же, л. 143.

ла местным органам НКВД приводить расстрельные приговоры в исполнение немедленно. На осуждённых к исправительно-трудовым лагерям из Москвы в Киев высылались выписки из постановлений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Из Центра протоколы и справки-инструкции приходили в Киев. Здесь протоколы разбирали на предмет того, из какого облуправления тот или иной осуждённый. После «сортировки» начальникам областных управлений НКВД направлялись списки осуждённых с указанием мер наказания, подписанные наркомом внутренних дел УССР. В свою очередь, облуправления НКВД обязывались после исполнения приговоров выслать в 8-й отдел УГБ НКВД УССР акты о приведении в исполнение приговоров о смертной казни, после чего дела на расстрелянных и расстрельные акты высылались в Москву.

Несколько иная схема существовала для ДТО ГУГБ НКВД СССР. В «альбомах», а затем и в протоколах указывалось, что список арестованных предоставлен ДТО ГУГБ НКВД, поэтому из Москвы на места отправляли копии рассмотренных протоколов для начальников ДТО и для наркома внутренних дел УССР. Но дорожно-транспортные отделы приводили наказание в исполнение только после получения разрешения у наркома внутренних дел УССР. Сложная система отчётности выполняла функции контроля центрального аппарата НКВД над местными. Данная схема осуждения была выстроена с целью быстрого рассмотрения дел, но она уже через месяц показала свою несостоятельность. УНКВД УССР направляли «альбомы» в Москву еженедельно и даже чаще. В первые недели реализации «харбинского» приказа «двойка» выносила решение в течение двух-трёх дней, но постепенно этот срок увеличивался и к декабрю 1937 г. составлял до трёх недель. Стало очевидно, что Комиссия НКВД и Прокурора СССР не справляется с рассмотрением дел, приходящих со всех республик, областей и краёв страны.

Основываясь на приказе № 00593 и закрытом письме о деятельности «харбинцев», которые указывали на существующую в стране диверсионную сеть японских шпионов, сотрудники НКВД строили дела не индивидуальные, а групповые, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контрреволюци-

онные организации. Согласно ряду докладных записок, на Южной железной дороге сотрудниками ДТО ГУГБ были вскрыты группы «Восток» и «Самурай», в Киевской области – «Мурашка», «Семья», «Азиаты» и т. д. Как правило, в такие организации могло входить несколько десятков человек.

Следуя директивным инструкциям, в первую очередь закрытому письму № 60268 от 20 сентября 1937 г., чекисты выявляли «шпионов», «диверсантов», «террористов», «участников контрреволюционных фашистских формирований» и прочих «контрреволюционный элемент». Доминирующей политической окраской для «националов», в том числе и «японских шпионов», был избран троцкизм. Например, согласно докладной записке начальника УНКВД по Днепропетровской области от 3 января 1938 г., за первые полгода проведения операции было арестовано 200 выходцев из Харбина. Как «завербованные» Японией прошли 165 чел., среди которых: «шпионов» – 65, «диверсантов» – 34, «террористов» – 27, «участников контрреволюционных фашистских формирований» – 19 и прочих «контрреволюционеров» – 20, остальным инкриминировали троцкизм⁴⁹. Данный формат обвинений воспроизводился и в других республиках, областях и краях страны⁵⁰.

Перегруженность работой членов Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка) и переполненность тюрем стали главными причинами принятия приказа НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., который передал карательные полномочия на места, в компетенцию Особых троек. В состав тройки входили: начальник УНКВД, местный прокурор и секретарь крайкома (обкома) партии. Особым тройкам предписывалось в двухмесячный срок завершить операции согласно приказам НКВД СССР № 00439, № 00485, № 00593 и директивам №№ 302 и 326. Из протоколов исчезает указание номера оперативного приказа, в рамках которого предъявляли обвинения и выносили приговоры, тройка указывала только линию шпионажа (польский, немецкий, японский и пр.). С принятием приказа № 00606 глав-

⁴⁹ ГДА СБ України, ф. 16, оп. 30, спр. 284, арк. 83.

⁵⁰ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток... – С. 191.

ным поводом для репрессий стал не «национальный» признак, а причастность к «шпионской сети». Работа троек была прекращена в середине ноября 1938 г. Абсолютное большинство «харбинцев» в УССР осудили внесудебные инстанции (двойка – 394 чел., тройки – 495 чел.), однако необходимо отметить, что рассмотрением дел занимались и судебные органы (17 чел.)⁵¹.

Согласно отчёту НКВД УССР, к августу 1938 г. по статье «японский шпионаж» в республике было осуждено 1053 чел., что на 147 чел. больше, чем репрессированных по приказу № 00593. Такая зависимость скорее является исключением. Обычно количество осуждённых по «национальному» приказу почти вдвое превышало число проведённых по «шпионской линии»⁵². Этот факт, на наш взгляд, может говорить о том, что часть контингента на первом этапе операции провели по «кулацкой» и «РОВСовской» линиям. Но одновременно он указывает и на то, что сотрудники госбезопасности пошли по пути расширения целевых групп, проводимых по «харбинскому» приказу, включив в него не только бывших служащих КВЖД и реэмигрантов, но и лиц китайской и корейской национальностей.

По данным НКВД УССР, в республике всего в «чистку» попали 134 китайца и 104 корейца⁵³. Пока мы не можем утверждать, что все они прошли по приказу № 00593. Анализ материалов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показывает, что в УССР, начиная с сентября 1937 г. по март 1938 г., было осуждено 397 чел., среди которых только 18 корейцев и 12 китайцев (4,5% и 3% соответственно). Однако статистика приговоров троек свидетельствует о явной тенденции увеличения арестов и осуждений китайского населения.

В отличие от материалов двойки материалы троек более информативны. Они позволяют судить о национальности, под-

---

⁵¹ ГДА СБ України, ф. 42, спр. 34, арк. 14–42.

⁵² Так, по «польской» линии осуждено 54 011 чел., а по «польскому шпионажу» – 25 132 чел.; по «немецкой» линии – 23 036 чел., а по «германскому шпионажу» – 9100 чел. (См. подробнее: Через трупы врага на благо народа». – Т. 2: 1938–1941 гг. – С. 150.)

⁵³ «Через трупы врага на благо народа». – Т. 2: 1938–1941 гг. – С. 151.

данстве, социальном происхождении, наличии судимости, вынесенном приговоре и пр. Так, анализ материалов тройки по Киевской области за период с сентября по ноябрь 1938 г. показал, что по линии «японский шпионаж» проходило 63 человека, из которых украинцы – 26, китайцы – 13, русские – 11, евреи – 10, один татарин, один эстонец и один швейцарец, т. е. доля украинского и русского населения составила 41% и 17% соответственно, а «националов» – 41%. Все фигуранты являлись гражданами СССР, в том числе и лица китайской национальности, доля которых от общего числа осуждённых составила 20,6%. Все осуждённые числятся как беспартийные, но при этом 8 чел. были «исключёнными из ВКП(б)» и двое проходили как «бывшие эсеры». Работали на КВЖД или временно пребывали в Китае 17 чел., у 26 чел. было указано, что они «прибыли» с Дальнего Востока. Как «бывшие» или «социально чуждые» проходили шестеро. Трое имели судимость по уголовным статьям. Анализ материалов Киевской тройки наглядно показывает, что целевыми категориями «харбинской» карательной акции стали не только бывшие служащие КВЖД, но и реэмигранты из Китая (бывшие белогвардейцы), китайцы и представители других этнических групп.

В отношении 52 чел. (82,5%) тройка по Киевской области вынесла решения о высшей мере наказания, 11 чел. получили от 8 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Доминирование смертных приговоров было характерно и для решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Из выявленных четырнадцати протоколов за период с 20 октября 1937 г. по 2 марта 1938 г. по спискам прошло 397 чел., из которых 284 были осуждены к смертной казни, т. е. доля расстрельных приговоров составила 71,5%.

В тексте «харбинского» письма и приказа был обозначен лимит на аресты, согласно которому под репрессии попадали 25 тыс. учтённых служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая. Однако с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г. в рамках приказа № 00593 было арестовано 54 тыс. чел.⁵⁴, т. е. установленный

---

⁵⁴ Лубянка... – С. 651.

центральным аппаратом НКВД лимит был превышен в два раза. Достичь таких показателей удалось за счёт массового включения в целевые категории «харбинской» карательной акции китайцев и корейцев, а также социально неблагонадёжного населения, в том числе так называемых «монголистов» (этапированные и перебежчики советско-монгольской границы), дальневосточников (уроженцы ДВК или высланные с Дальнего Востока в 1930-е гг. как неблагонадёжные элементы), проживавших в Тувинской Народной Республике, забайкальских казаков и др.

При этом разнообразии целевых категорий «харбинской» операции в конкретно взятом регионе Советского Союза зависело от массовости «присутствия» «опасных» элементов в республике, области или крае. Так, например, в Алтайском крае 43% репрессированных в рамках приказа № 00593 составляли представители китайской, корейской национальности и «монголисты»⁵⁵. В Красноярском крае около 70%, прошедших по «харбинской» операции, были высланными раскулаченными крестьянами, китайцами, корейцами, татарами, подданными Ирана и др.⁵⁶

Текст письма и приказа, по факту, обозначил две крупные целевые категории: «харбинцев» как бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, а также японских шпионов. При этом состав второй целевой категории (японские шпионы), как уже было сказано выше, варьировался от региональных особенностей. Однако общесоюзная тенденция была такова, что представителей китайской, корейской, японской, турецкой диаспор проводили по приказу № 00593. Таким образом, отсутствие в письме и приказе чётко названных целевых групп, попадавших под репрессии, давал сотрудникам НКВД неограниченные возможности в реализации массовой «харбинской» операции.

Закрытое письмо для региональных органов НКВД служило пособием при ведении следствия, в котором были обозначены

---

⁵⁵ *Потанова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае... – С. 75–80.

⁵⁶ УФСБ по Красноярскому краю, ф. 2, д. 95.

эмигрантские организации в Китае, о которых региональные, областные и краевые чекисты могли и не знать, а также примеры составления групповых и индивидуальных дел на арестованных по приказу № 00593. Кроме того, «харбинское» письмо являлось трафаретом при составлении протоколов допросов: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов, встречающиеся в разных регионах Советского Союза, однотипны. При этом сам допрос строился по сценарию, заданному структурой письма. На первом этапе следователь выяснял время и причины прибытия в СССР. Затем арестованный неизбежно указывал на эмигрантские центры и организации, членом которых он являлся в период пребывания в Китае, раскрывал обстоятельства «вербовки» и переезда в СССР, называл список лиц, вовлечённых в «агентурную деятельность», а в конце допроса описывал свою подрывную работу на территории Советского Союза (поджоги мостов, вредительство в сельском хозяйстве, порча железнодорожного полотна и т. д.).

Уже в 1939 г. под руководством нового наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия началась проверка деятельности органов НКВД за период Большого террора. Материалы проверки свидетельствовали о неприглядной картине массовых фальсификаций работников НКВД. Факты фальсификации подтверждаются заявлениями о пересмотре дел, которые были направлены в прокуратуру СССР в 1939–1941 гг. осуждёнными к ИТЛ или родственниками расстрелянных. Из заявлений следует, что имела место подтасовка фактов, привлечение к делу «лжесвидетелей». Как правило, сотрудник УНКВД составляли протоколы допросов по заданному начальством трафарету: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов однотипны.

9 февраля 1956 г. на Президиуме ЦК КПСС был озвучен доклад комиссии ЦК КПСС во главе с П. Н. Пospelовым по установлению причин массовых репрессий, который обнажил факты о методах следствия и о массовых уничтожениях в 1930-е гг. После этого доклада было решено включить в повестку предстоящего XX съезда КПСС вопрос о репрессиях, с которого, по

факту, начинается частичная реабилитация жертв политического террора. В секретном докладе Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС 25 тыс. «харбинцев» («КВЖДинцев») были упомянуты уже как «безвинные жертвы». Но юридически, в правовом смысле этого слова, законодательная реабилитация репрессированных состоялась 18 октября 1991 г. с выходом закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Со времени принятия закона ведётся работа по увековечению памяти жертв политических репрессий, устанавливаются памятники и закладные камни, издаются Книги Памяти жертв политических репрессий.

Анализ материалов делопроизводства НКВД и материалов внесудебных инстанций по реализации «харбинского» приказа в Украине показывает, что операция была нацелена не столько на определённую социальную или национальную группу, а на учётную категорию, объединённую общим признаком – обвинение в японском шпионаже. Под «харбинцами», как целевой категорией, органами НКВД оказались объединены бывшие служащие КВЖД, реэмигранты, нелегальные мигранты, китайцы, корейцы, уроженцы и административно-высланные с Дальнего Востока. Изначально приказ № 00593 не предполагал аресты «инонационалов», но по мере его реализации произошло расширение целевых групп за счёт представителей диаспор, и, в первую очередь, китайской и корейской. Две третьих репрессированных по «харбинской» операции в УССР приходится на «бывших» и «классово-чуждых» лиц, что сближает эту операцию с «кулацкой» и «РОВСовской», но оставляет в ряду «национальных» операций. Сочетание социальных и национальных признаков свидетельствует о том, что «харбинскую» операцию следует рассматривать как комбинированную репрессивную акцию.

REFERENCES

1. Ablazhej, N.N. (2008). «Harbinskaya operaciya» NKVD v 1937–1938. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2, 80–85. [in Russian].
2. Ablazhej, N.N. (2007). *S vostoka na vostok: Rossijskaya emigraciya v Kitae*. Novosibirsk. [in Russian].

3. Bilas, I.G. (1994). *Represivno-karal'na sistema v Ukraïni, 1917–1953: Suspil'no-politichnij ta istoriko-pravovij analiz*. Kyiv: Libid': Vijs'ko Ukraïn. [in Ukrainian].
4. Bilokin', S.I. (1999). *Masovij teror yak zasib derzhavnogo upravlinnya v SRSR (1917–1941 rr.) Dzhereloznavche doslidzhennya*. Kyiv. [in Ukrainian].
5. Chencov, V.V. (1998). *Tragicheskie sud'by: politicheskie repressii protiv nemeckogo naseleniya Ukrainy v 1920–1930 gody*. Moskva: Gotika. [in Russian].
6. Chencov, V.V. (2000). *Politichni represii v Radyans'kij Ukraïni v 20-ti roki*. Ternopil': Zbruch. [in Ukrainian].
7. Danilenko, V.M., Kas'yanov, G.V., Kul'chic'kij, S.V. (1991). *Stalinizm na Ukraïni: 20–30-ti roki*. Kyiv: Naukova dumka. [in Ukrainian].
8. Danilova, V. , Manning, P., Violy, L. (Comps.). (2006). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy*. Vol. 5: 1937–1939. Moskva: ROSSPEN. [in Russian].
9. Dzhuha, I.G. (2006). *Grecheskaya operacija. Istorija repressij protiv grekov v SSSR*. Sankt-Peterburg. [in Russian].
10. Haustov, V., Samuehl'son, L. (2009). *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938*. Moskva. [in Russian].
11. Haustov, V.N., Naumov, V.P., Plotnikova, N.S. (Comps.).(2004). *Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938*. Moskva: MFD. [in Russian].
12. Hirsch, F. (2002). Race without the Practice of Racial Politics. *Slavic Review*. Vol. 61, №1, pp. 30–43. [in English].
13. Hlevnyuk, O.V. (2010). *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury*. Moskva. [in Russian].
14. Junge, M., Binner, R. (2003). *Kak Terror stal «bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya*. Moskva. [in Russian].
15. Junge, M., Bordyugov, G., Binner, R. (2009). *Vertikal' bol'shogo terrora. Istorija operacii po prikazu NKVD № 00447*. Moskva. [in Russian].
16. Junge, M., Kokin, S., Binner, R., Dovbnya, O., Bonvech, B., Smirnova, I. Bordyugov, G. (Comps.). (2010). «Cherez trupy vraga na blago naroda». «Kulackaya operacija» v Ukrainskoj SSR 1937–1941. Moskva. [in Russian].
17. Kas'yanov, G.V. (1992). *Ukraïns'ka inteligenciya 1920–1930 rokiv. Social'nij portret ta istorichna dolya*. Kyiv: Globus. [in Ukrainian].
18. Kropachev, S.A. «Pol'skaya» i drugie «nacional'nye» operacii NKVD SSSR. Retrieved July 22, 2017, from <http://kubanmemo.ru/library/Kropachev01/poland.php>. [in Russian].

19. Kuznecov, D.V. (2015). «Arestu podlezhat vse»: politicheskie repressii v SSSR i sud'ba tak nazyvaemyh «harbincev». *Problemy Dal'nego Vostoka*, 3, 136–146. [in Russian].
20. Lemon, A. (2002). Without a «Concept»? Race as Discursive Practice. *Slavic Review*. Vol. 61, №1, Spring. pp. 54–61. [in English].
21. Muranov, A.I., Zvyagincev, V.E. (1993). *Sud nad sud'yami (osobaya papka Ul'riha)*. Kazan'. [in Russian].
22. Nikol'skij, V.M. (2003). *Represivna diyal'nist' organiv derzhavnoi bezpeki SRSR v Ukraïni (kinec' 1920-h – 1950-ti rr.)*. Istoriko-statistichne doslid-zhennya. Donec'k. [in Ukrainian].
23. Ohotin, N.G., Roginskij, A.B. Iz istorii «nemeckoj operacii» NKVD 1937–1938 gg. Retrieved October 2, 2016, from <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>. [in Russian].
24. Petrov, N., Yansen, M. (2009). «Stalinskij pitomec» Nikolaj Ezhov. Moskva. [in Russian].
25. Petrov, N.V., Roginskij, A.B. (1997). «Pol'skaya operaciya» NKVD 1937–1938. Roginskij A. (Ed.) *Repressii protiv polyakov i pol'skih grazhdan*, pp. 22–43. Moskva. [in Russian].
26. Potapova, N.A. (2017). «Harbinskaya» operaciya NKVD SSSR 1937–1938 v Altajskom krae. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 47, pp. 75–80. [in Russian].
27. Roginskij, A.B. (2000). Posleslovie. *Rasstrel'nye spiski. Moskva, 1937–1941. «Kommunarka» – Butovo. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij*. Moskva. [in Russian].
28. Roginskij, A.B., Ohotin, N.G., Gorlanov, O.A. (2007). *Massovye operacii 1937–1938 gg. (statisticheskie aspekty): Dannye po materialam vedomstvennoj statistiki NKVD SSSR. (Rukopis', tekushchij arhiv «Memoriala» statisticheskie tablicy)*. Moskva. [in Russian].
29. Savin, A.I. (2012). Etnizaciya stalinizma? «Nacional'nye» i «kulackaya» operacii NKVD: sravnitel'nyj aspect. *Rossija. XXI*, 3, pp. 40–61. [in Russian].
30. Shapoval, Y. (2001). *Ukraïna XX stolittya: osobi ta podii v konteksti vazhlivoi istorii*. Kyiv: Naukova dumka. [in Ukrainian].
31. Shapoval, Y.I. (1994). *Lyudina i sistema. SHtrihi do portreta totalitarnoi dobi v Ukraïni*. Kyiv: Institut nacional'nih vidnosin i politologii NAN Ukraïni. in Ukrainian].
32. Shapoval, Y.I. (1995). «Sprava spilki vizvolennya Ukraïni». Kyiv: Intel. [in Ukrainian].
33. Shemshuchenko, Yu.S. (Comps.). (1993). *Zhertvy repressij*. Kyiv: Yurinform. [in Ukrainian].

34. Tron'ko, P.T. (Ed.). (1991). *Represovane kraeznavstvo (20–30-ti roki)*. Kyiv: Ridnij kraj. [in Ukrainian].

Potapova N. Mechanisms, target categories and scale of the «harbinian» operation of the NKVD of the USSR, 1937–1938. in Ukraine

The People's Commissar for Internal Affairs of the USSR, N. I. Yezhov made a draft of the confidential letter No. 60268, which reported on the directions and scale of the «activity of Japanese intelligence» in the territory of the Soviet Union and proposed to approve the draft order of the NKVD USSR No. 00593 at a meeting of the Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on September 19, 1937. The confidential letter was the justification for the beginning of a mass punitive action against the so-called Harbinty, and the order was an instrument for carrying it out. The People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR attributed the «Harbinian» operation to the number of «national» operations. However, the ethnic aspect wasn't evident in the texts of the order and the letter. The article deals with the peculiarities of the mass Harbinian operation in the Ukrainian SSR, conducted on the basis of the NKVD of the USSR Order No. 00593 of September 20, 1937. On the basis of the protocols of extrajudicial instances, archival investigations, and departmental documents of the NKVD of the Ukrainian SSR stored in the archives of Ukraine, The scale, mechanisms and peculiarities of the Harbinian repressive operation are analyzed. The punitive action was directed not only to former employees of the Sino-Eastern Railway, which in the Soviet society was called «Harbinians», or KVZhinzami, as the order was supposed, but also to persons of Chinese, Korean nationality, as well as to «former» and «class-foreigners». The extension of the target categories of Order № 00593 was made possible by the text of the «Harbinian» letter and the order, which, in fact, designated two large groups, which fell under the repressions: «Harbinians» as former employees of the Chinese Eastern Railway and re-emigrants from China, as well as «Japanese spies». The dependence between the «Harbinian» operation and «Japanese espionage» is obvious. At the same time, the lineup of the second target category (Japanese spies) varied from regional specifics. However, representatives of the Chinese, Korean, Japanese, and Turkish diasporas were conducted under order № 00593 in the all-Union scale. The absence of clearly named target groups, which fell under the repressions gave NKVD officers unlimited opportunities in the implementation of the mass «Harbinian» operation. An analysis of the records management of the NKVD's and extrajudicial materials on the implementation of the «Harbinian» order shows that the operation was aimed not so much at a certain social or national group, but as a common category, a charge in Japanese espionage. Former employees of the KVZhD, re-emigrants, illegal migrants, Chinese, Koreans, natives and administratively expelled from the Far East were united under the Harbin people as a target category.

Initially, Order No. 00593 did not imply the arrest of «foreigners», but as it was implemented, the target groups were enlarged at the expense of representatives of the diasporas, primarily Chinese and Korean. Two third of the repressed in the «Harbinian» operation in the Ukrainian SSR accounted for the «former» and class-alien, which brings this operation closer to the «kulak» and «ROVSovskaya», but leaves in the series of «national» operations. The combination of social and national characteristics indicates that the Harbin operation should be viewed as a combined repressive action. In practice, the expansion of target categories at the expense of «agents of Japanese intelligence» should lead to an increase in arrests under Order № 00593. The order designated 25 thousand «Harbintsy» as former employees of the Chinese Eastern Railway and re-emigrants from China living in the Soviet Union. However, 53 thousand people were repressed by the «Harbinian» operation by November 1937. The indicated limit was doubled.

Key words: Great terror, «national» operations, «Harbinian» operation, Ukrainian SSR, «Harbinians».